

Аланна Окан

БЕСТСЕЛЛЕР
AMAZON

ПРОКЛЯТИЕ

СВИТЕРА

для
БОЙФРЕНДА

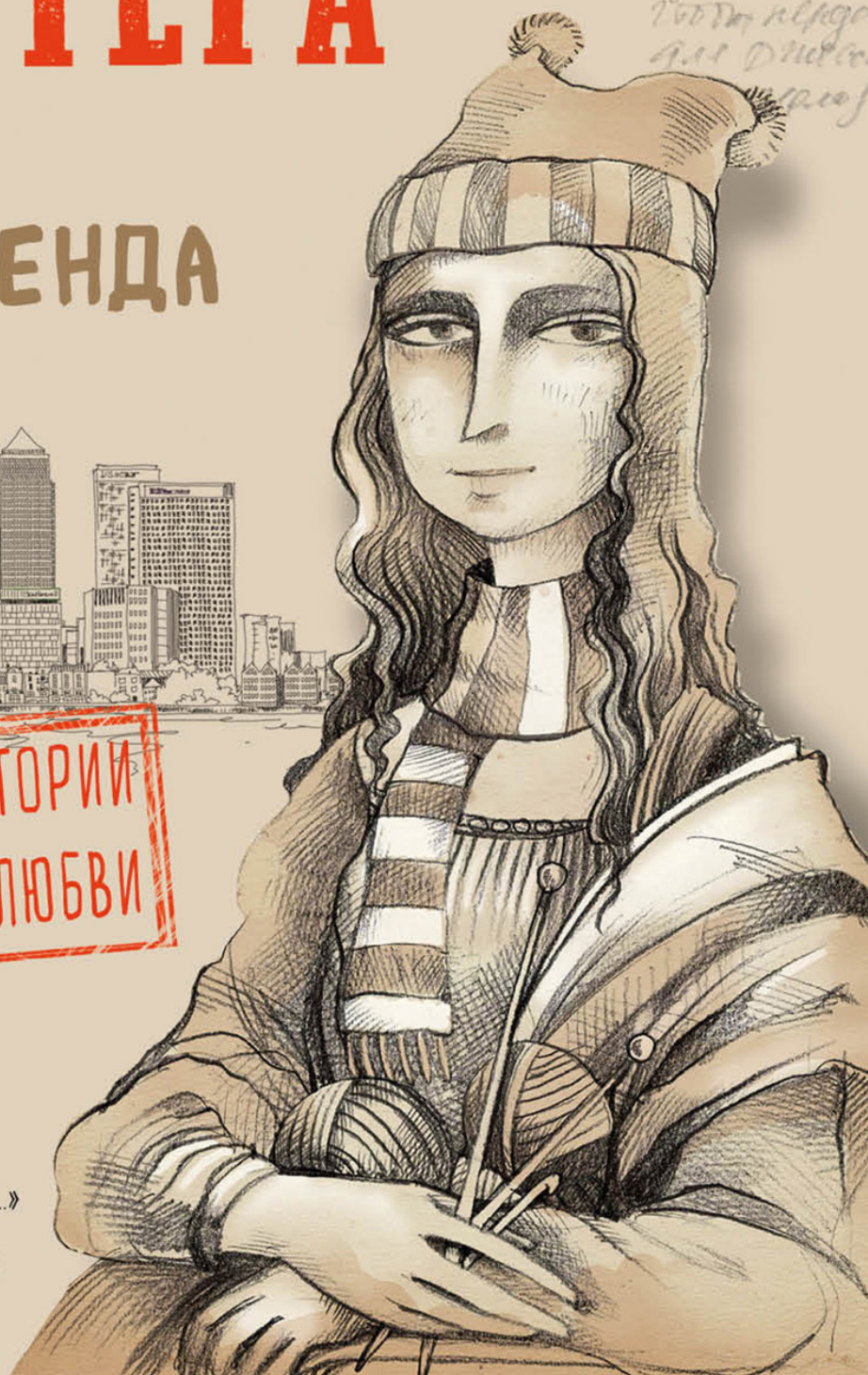
Вот же
моя жизнь
Меню и
линолеум
в желтой к
Вот же перга
для Диего
перга

ВЯЗАНЫЕ ИСТОРИИ
О ЖИЗНИ И О ЛЮБВИ

«Это местами очень смешно...
и всегда невероятно чувственно...»

— Nylon

Handmade life story. Книги о жизни и о любви

Аланна Окан

Проклятие свитера для бойфренда

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

Окан А.

Проклятие свитера для бойфренда / А. Окан — «Эксмо»,
2018 — (Handmade life story. Книги о жизни и о любви)

Аланна Окан – писатель, редактор и мастер ручного вязания – создала необыкновенную книгу! Под ее остроумным, порой жестким, но самое главное, необычайно эмоциональным пером раскрываются жизненные истории, над которыми будут смеяться и плакать не только фанаты вязания. Вязание здесь – метафора жизни современной женщины, ее мыслей, страхов, любви и даже смерти. То, как она пишет о жизненных взлетах и падениях, в том числе о потерях, тревогах и творческих исканиях, не оставляет равнодушным никого. А в конечном итоге заставляет не только переосмыслить реальность, но и задуматься о том, чтобы взять в руки спицы. И узнать наконец, что такое «синдром второго носка» и чем грозит «проклятие свитера для бойфренда». Смешная, причудливая и душераздирающая книга, которую вы захотите читать, перечитывать и поделиться ею со всеми своими лучшими друзьями.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Окан А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Набирая петли	6
Первые ряды	8
Вяжут не только бабушки	14
Упущенные возможности	20
Распускание, или Как все начать сначала	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Аланна Окан
Проклятие свитера для бойфренда
Вязанные истории о жизни и о любви

Alanna Okun

THE CURSE OF THE BOYFRIEND SWEATER

Text Copyright © 2018 by Alanna Okun

Published by arrangement with Flatiron Books.

All rights reserved.

© Парнюк Л.В., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Она прекрасна! Я смеялся до слез и перечитывал некоторые моменты много раз. Это книга, которую глотаешь за один присест, потому что невозможно остановиться. А потом жалеешь, что книга так быстро закончилась. Аланна Окан – звездный и красноречивый писатель. Ее человеческий опыт настолько мне близок и ее мировоззрение настолько уникально, что я то и дело восклицал про себя: «Да! Точно!» Книга – жемчужина.

The New Republic

«В создании вещей своими руками есть некая сила, особенно когда они сделаны только для вас. Это тихое накося-выкуси всем компаниям, продающим одежду, или журналам, или людям, которые заставляли вас чувствовать себя ущербными».

Аланна Окан

Набирая петли

Никогда не знаешь до конца, во что выльется проект, пока он не будет готов. Это относится ко многим вещам – книгам, рецептам, отношениям, а особенно – к вязанию.

Допустим, вы хотите связать шапку. Вот вы уже провязали пару сантиметров того, что предположительно будет полями шапки, но пока что это только *намек* на поля; поля не станут полями, пока они не связаны с шапкой. Эти поля могут с такой же легкостью превратиться в горловину свитера, если уж вы решите зайти так далеко и у вас хватит на это пряжи. А можно на этом закончить и оставить все прямо так, получив в итоге эластичную повязку для волос, как у девушек из рекламы средств для очищения кожи, где они омывают водой свои и без того идеальные лица. А может, вы решите, что вам нужна именно шапка, но только с резинкой до самой макушки или с косами, или совсем другого цвета, не такого, которым вы начали вязать.

Можно пахать, не разгибая спины, и закончить весь проект целиком еще до полудня, имея четкое представление о конечном результате, а можно отложить его в сторону на долгие месяцы и браться за него лишь время от времени, провязывая пару рядов под настроение. Можно начать вязать вещь в качестве подарка, а потом вдруг решить оставить ее себе, или наоборот. Можно вдруг обнаружить, что она совсем не похожа на первоначальную задумку – к своему разочарованию или восторгу. Или, как это часто случается, можно достичь точки безмятежной неопределенности и принять решение продолжать несмотря ни на что, даже если вы не уверены в конечном результате и даже если вы вовсе не представляете, что же в итоге выйдет, после того как вы вложили в свой труд столько времени и столько пряжи. Можно просто довериться начатой вещи, дать ей шанс раскрыться за пределами вашего контроля.

Мне всегда нравился контроль. Мне нравится обладать им, а еще мне нравится терять его в ограниченных количествах. Звучит как нечто из области БДСМ, но для меня это почти всегда срабатывает в рукоделии – взаимосвязь между созданием вещи именно такой, как мне хочется, и тем, что у меня в конечном итоге получится, даже если я буду вязать, допуская ошибки и отклонения. Я вяжу спицами, вяжу крючком, вышиваю, увлекаюсь любыми занятиями, связанными с нитками и пряжей. Я умудряюсь сочетать все это примерно столь же долго, сколько я существую на этой земле, мои увлечения всегда помогали мне пережить и осознать самые неконтролируемые моменты существования человеческого существа – волнение, горе, разбитое сердце, полный восторг, ужасную скуку. Рукодельный проект дает мне возможность держать в своих руках нечто реальное, даже когда все вокруг проносится в суматошном вихре; он дает мне возможность взять на себя крошечные риски и решать крошечные проблемы и одерживать крошечные победы. Он напоминает мне, что есть еще и спокойные, умиротворенные участки нашего мозга, куда можно сбежать, когда все остальное напоминает зону боевых действий, и что можно, пусть даже на какой-то небольшой краткий срок, там укрыться. А еще: у вас будет пожизненный запас носков, связанных вручную.

Когда я беседую с людьми о рукоделии, девять раз из десяти, что они никогда не держали в руках спицы или не проводили кучу времени в магазине пряжи. Они ничего не знают о подсчете петель, им наплевать на контрольные образцы плотности, так же как и я понятия не имею, что такое «четвертый даун¹». Но нам обычно легко удается найти общий язык, некую

¹ Down – термин в американском футболе, даун, период игры с момента, когда мяч вводится в игру, до момента, когда мяч становится мертвым (dead ball). Команда нападения получает 4 попытки, для того чтобы пронести мяч на 10 ярдов. Если этого не произошло, мяч переходит к противнику. Как правило, это происходит после панта на 4-м дауне.

точку соприкосновения, когда тот или иной человек произносит: «О! и ты тоже? А я думал, я один такой!»²

Поэтому я считаю, что у большинства людей есть своя собственная версия вязания либо они тратят всю свою жизнь, чтобы найти ее – такое незаметное, но непрерывное движение, которое помогает им преобразовать вселенную и найти уголок для своей личности. Для моего папы – это рыбалка; для брата – музыка. Моя мама творит дома, а сестра творит произведения искусства из ненужных вещей. Кто-то из моих друзей рисует, кто-то бегают марафоны, кто-то делает интернет-мемы, а кто-то даже сидел рядом со мной на диване, пытаясь продеть кончик спицы в петельку впервые в своей жизни.

Иногда, недели спустя, я получаю SMSку. Обычно это фото потрепанного, но вполне годного полотна, чуть больше, чем оно было в тот первый день, а количество дырок и ошибок все меньше с каждым новым рядом.

Гласит это сообщение в той или иной форме: «Понятия не имею, что это будет, но смотри!»

Я говорю им, что никто не имеет понятия, по крайней мере, пока что. Главное – начать, даже если это уродливо, даже если это трудно. Даже (и особенно) если вы из тех людей, кто привык, что все получается именно так, как хочется, кто считает, что наступит конец света, если вдруг одна петля окажется не на месте. Но что хорошо: конец света от этого не наступит, а даже если и так, то всегда можно распустить петли и начать все с самого начала.

² Сплагиаченная версия моей любимой цитаты, приписываемой К. С. Льюису; у меня даже есть ее вышивка рядом с входной дверью.

Первые ряды

Любой, кто делает что-либо своими руками, должен обязательно сделать что-нибудь для малышей. Конечно, есть очевидные возражения: маленькие дети обязательно срыгнут на ту прекрасную вещь, над которой вы работали долгие месяцы. Они не оценят, как этот сизовато-серый цвет сочетается с горчично-желтым, независимо от того, насколько тщательно вы выбирали пряжу. Нельзя добавить миниатюрные пуговицы или крошечные помпончики, потому что малыши – супербезмозглые и считают, что все это – еда, да и в любом случае они перерастут что бы то ни было за пару недель. А еще: они воняют.

Но, несмотря на все это, я не могу припомнить лучшего способа, который напоминает, что жизнь может как прийти в этот мир, так и покинуть его.

К моменту окончания колледжа я вряд ли когда-либо держала малыша на руках, не говоря уже о том, чтобы сделать что-либо для какого-нибудь детеныша. Они казались такими чуждыми и далекими от меня, что не думаю, что я представляла, с чего вообще начать... Это как связать рукавичку для пожарного гидранта...

На похоронах прабабушки моя двоюродная сестра попросила меня подержать ее малышку, пока она сходит в ванную комнату.³ Голова ребенка уткнулась в мое плечо, а я стояла, как вкопанная, в ужасе, что если я пошевелюсь, то наверняка что-нибудь ему сломаю. Когда ее мама вернулась, я была удивлена, что я совсем не почувствовала вес этого теплого маленького комочка, пусть даже полного соплей и слюней.

В следующем году я связала пару крошечных шапочек для новорожденных детей своих коллег по работе и друзей по хору; я начала, а потом забросила вязать детское одеяльце для семьи, которая жила с нами по соседству. (Этот малыш уже учится в десятом классе, а одеяльце все еще в два ряда шириной.) Но эти проекты были простыми, бездумными, не намного отличающимися от шарфов или от фетровых корзиночек, которые я сделала, чтобы хранить мелочь для прачечной. Они не требовали от меня сузить или расширить мой кругозор. И вдруг я обнаружила, что вяжу довольно сложную кофту для малыша, который даже еще и не родился.

Я познакомилась со своей лучшей подругой Одой (и представляется она всегда одним долгим выдохом: «Привет-я-Ода-как-«Ода-к-радости»⁴») тем самым летом, когда мы обе окончили колледж. Я жила в Поукипси⁵ и даже и не подозревала, что в тридцати минутах езды, в маленьком городке со сказочным названием Аннандейл-на-Гудзоне,⁶ живет девушка, которая вскоре станет довольно значимой частью моей жизни.

Мы познакомились в Нью-Йорке, куда я переехала впервые, а она переехала вновь. С тех пор как мы познакомились, мы целыми днями чатились, а ночами писали друг другу SMSки. Мы спали вместе в одной кровати и ставили зубные щетки в один стакан. (Ода все еще называет свою щетку «гостевой зубной щеткой» – фу!) Мы познакомились с семьями друг друга: она присоединилась ко мне и моим родителям на пляже Род-Айленда в День памяти погибших в войнах, и в День независимости, и в День труда, а я ходила на их долгие роскошные ужины с ее мамой-француженкой и отцом – урожденным ньюйоркцем – в их таунхаусе в Бруклине.

Во время или после одного из таких ужинов Ода и ее мама попросили меня об одолжении: связать кофточку для малыша, который скоро родится у крестной Оды. Несмотря на свои

³ Моя прабабушка мирно умерла в возрасте девяноста восьми лет, в ясном рассудке и с водительскими правами.

⁴ An die Freud (нем.) – ода, написанная в 1785 году Фридрихом Шиллером для дрезденской масонской ложи по просьбе его друга Христиана Готфрида Кернера.

⁵ Poughkeepsie (пə 'kɪpsɪ:) – город, расположенный в округе Датчесс (штат Нью-Йорк, США).

⁶ Annandale-on-Hudso (англ.) – деревушка в округе Датчесс (штат Нью-Йорк, США).

опасения, я сказала: «Да, конечно, все, что угодно», – чтобы помочь этой семье, которая была так добра ко мне в этом до сих пор новом для меня городе.

Я переучивала Оду вязать столько, сколько мы знали друг друга, что сопровождалось отчаянной руганью с ее стороны, и наш план был таков: я отвечаю за кофточку, а она свяжет подходящую шапочку. В свою очередь, ее мама оплатит стоимость пряжи, а Ода будет покупать мне много выпивки. Это был мой первый раз, когда я занималась рукоделием на почти коммерческой основе так близко к деньгам.

Мы съездили в магазин пряжи в нескольких остановках метро от дома родителей Оды. В свое первое лето в Нью-Йорке я жила у них дома целый месяц и так освоилась в этом почти пригородном районе, с его отдельными домиками, опрятными газонами, который, казалось бы, полностью контрастировал с суровыми многолюдными улицами остальной части города.

Выбор пряжи занял довольно много времени. Должна была родиться девочка, и мы отвергли все слишком слащавые пастельные цвета в пользу нежно-серого цвета, для акцента добавив клубок кремовой пряжи: для пушистого помпона (слишком большого, чтобы поместиться в любознательном ротике), для шапочки и для кружевных кромок для кофточки.

Как только мы вышли из магазина, я осознала, что понятия не имею, как делать эти самые кружева для кофточки, мало того, я понятия не имела, как вязать саму кофту. И хотя я вяжу практически с тех самых пор, как научилась читать, я привыкла делать вещи только для себя или для тел примерно моего размера. Есть определенные неизменные ритмы, вплетенные в шапки и носки, как я считала, вбитые намертво от десятков повторений. И забыть их я уже не могла.

Как прилежная студентка, я прошерстила интернет в поисках идеальной модели, но после того, как сохранила все закладки, скопировала и вернулась обратно к тому же, с чего начала, я осознала, что той самой единственной модели, которую я хотела бы связать, не существует в цифровом формате. И поэтому я купила настоящую, живую, физическую *книгу*.

Ее по праву называют «Альманах вязания»⁷, это что-то вроде священного писания для вязальщиц; мне даже стало полустыдно, что у меня до сих пор ее не было. Написана она женщиной по имени Элизабет Циммерман,⁸ которая широко известна как праматерь современного несуетливого вязания, и хотя она умерла почти два десятилетия тому назад, казалось, она прекрасно понимала все мои тревоги.

Там, где прочие схемы и инструкции четко определяли размеры и давали цифры, которые мне ни о чем не говорили, она просто писала: «Не беспокойтесь о размере – малыши бывают разные, а вязание растягивается».

И все же поначалу я сомневалась, что кофточка вообще когда-либо обретет форму, боялась, что, несмотря на точное следование рецепту, в результате у меня получится лишь запутанная бессмыслица. Мое понятие о масштабах было полностью сбито с толку. «Как голова может быть такой большой, а плечи – такими узкими? – размышляла я, провязывая рукавчик, такой крохотный, что даже мой кулак туда не пролез бы. – Как вообще человеческое существо может быть таким маленьким?» Я все больше склонялась к мысли, что мне придется начать все сначала, придется сказать Оде и ее маме: «Простите, я не успею вовремя к вечеринке по поводу рождения ребенка.⁹ Может, вместо этого просто подарить поздравительную открытку из магазина *Babies*“ *R”Us*¹⁰?»

И все же, после пары недель вязания в метро и в барах в ожидании друзей кофточка стала походить на реальную вещь. Это одно из преимуществ вязания для крошечных человеческих

⁷ Knitter’s Almanac – книга не переведена на русский язык.

⁸ Elizabeth Zimmerman – «бабушка американского вязания», автор книг, инструкций по вязанию.

⁹ Вечеринка за 3–4 недели до рождения ребенка, на которой обычно будущей маме дарят подарки.

¹⁰ Американская компания, специализирующаяся на розничной торговле игрушками, одеждой и другими товарами для детей.

существ: относительно быстрый результат. Прежде чем я смогла наглядно представить, что же я держу в руках, я уже начала представлять крошечные ручки в этих рукавах, пузатенький животик, улыбающиеся пухлые щечки. Я почувствовала некую маленькую, едва теплящуюся надежду, особенно при мысли, что человечка, для которого я вяжу, еще и в помине нет. Она была на подходе – вечеринка уже запланирована, подарки к ее рождению уже выбраны, – но только еще недосыгаема.

Мне было незнакомо это чувство ожидания жизни. Я знала только обратную сторону – ощущение жизни, которая внезапно была разорвана и бесчувственно выкинута прочь. Через год после окончания колледжа умерли двое моих друзей, оба в возрасте двадцати двух лет: Марина – в автомобильной аварии, и Джейми – от лейкемии.

Значимость и изначальность их жизней никак не вяжутся с фактом их смерти.

Я знакомилась с Мариной дважды. Сначала – на первом курсе колледжа, когда мы обе выиграли литературный конкурс на лучшее сочинение. Она ворвалась на церемонию награждения – струящиеся длинные волосы, звяканье множества браслетов.

Я подумала, что ее слишком много. Слишком шумная, слишком порывистая, слишком такая, какой я тайно хотела быть, но вместо этого написала такие слова, как «шумная» и «порывистая». А потом, на следующее лето, ее «слишкости» оказалось ровно столько, сколько нужно.

Я жила в Нью-Йорке в первый раз, снимала комнатку в квартире на цокольном этаже и проходила стажировку в журнале. В мой первый день именно Марина оказалась тем самым человеком, который проходил мимо стеклянной двери в офис и впустил меня внутрь. Я не помню, было ли вплетено перо в ее волосы в тот день или оно появилось позже, так рискованно раскачиваясь совсем близко от ее безглутенового соевого соуса, когда мы поглощали ролл за роллом и суши в кафетерии, но прекрасно помню тот живой открытый взгляд узнавания, когда она впервые заметила меня. Она любила совпадения (здесь проходила стажировку еще одна практикантка, которая, как оказалось, встречалась несколько лет с моим бывшим парнем из старших классов, и это была тема, которая Марине никогда не надоедала), и я думаю, что ей нравилось иметь приятельницу, кого-то, кому можно отправить SMSку, когда она расстроена или взволнована чем-нибудь по работе, с кем можно поговорить о любви и о том, какого черта мы будем делать, когда закончим учебу в следующем году.

И мне нравилось иметь такую приятельницу. Я знала, пусть еще и не осознанно, что хочу быть писателем, хочу жить в таком мире, в который и она, и я заглянули всего лишь на лето. И хотя мы были одного возраста и вряд ли Марина понимала в этом больше, чем я, именно она была тем человеком, благодаря которому все казалось возможным. Она искренне, всем сердцем верила, что мы можем и даже должны вести творческую жизнь и делать то, что нам небезразлично, и во всем этом есть смысл: и в писательстве, и в исполнении желаний, и в выражении чувств во всеуслышание, и не нужно бояться ошибиться и начать все заново. Она была настолько чрезвычайно, настолько безоговорочно и беззастенчиво *сама собой*, что даже оказаться с ней в одной компании помогало мне почувствовать свою индивидуальность.

Я переписывалась с ней осенью в наш последний год обучения, за девять месяцев до того, как ее машина врезалась в ограждение на скоростном шоссе, про статью, которую она написала для газеты в колледже; я видела, что она поделилась ей в *Facebook*. Речь шла о принятии решения и принятии выбора дальнейшей карьеры после окончания обучения – о чем мы болтали с ней все лето, – и это никак не выходило у меня из головы.

Она ответила: «Очевидно, что мы будем жить одной и той же жизнью всегда, так что увидимся на следующей работе».

С Джейми я познакомилась в колледже, в полутора часах езды от Манхэттена до Гудзона. Знакомство с ним на вечеринке в общежитии в наш второй год обучения было для меня как услышать и полюбить новую песню или набирать петли в первый раз: «О, вот ты где. Я знала, что кто-то вроде тебя должен существовать на белом свете...»

Он не писал пьес и не тусовался, как Марина; он писал вдумчивые, забавно философские статьи, перемежая их вкраплениями имен своих друзей («Предположим, что Аланна – это «мозг в колбе...»¹¹). Он любил подолгу прогуливаться вдоль озера в студгородке и вламываться в здания колледжа по ночам. Я научилась различать его торчащие во все стороны черные волосы и фирменную голубую толстовку с капюшоном в любой толпе. Его голос был настолько тихим и низким, что иногда приходилось наклоняться поближе, чтобы услышать его.

В наш последний год обучения он жил в двух домах от меня, а затем – сразу через Проспект-парк, когда после окончания колледжа мы оба переехали в Бруклин. На самом деле мы жили в разных мирах, но мне нравилось посещать его мир и приглашать его в свой, где мы обычно пили чай и пиво и играли в «Бананаграммы¹²», с каждым раундом все невнимательней и небрежней. Он готовил на гриле все, что только можно (вегетарианские бургеры, шампиньоны, грейпфруты), и поливал все это липко-сладким соусом для барбекю под названием *Sweet Baby Ray's*. Теперь в моем холодильнике всегда есть бутылочка такого соуса. В наш последний семестр в колледже, когда он был в состоянии ремиссии, он спросил меня полусуто, в манере друзей вязальщиц, когда уже я свяжу что-нибудь и для него. Я рассмеялась и сказала, что могла бы связать ему шапку-чулок или палатку для нашего общего двора, но так этого и не сделала.

Наверное, мой самый любимый поцелуй (из всего нескольких, потому что это не совсем то, что вы думаете) – это мой первый поцелуй с Джейми. В начале первого курса мы вышли с вечеринки на улицу, стоял вечер, один из тех вечеров, который может оказаться последним теплым летним вечером, разговаривали с другими людьми, но при этом оставаясь рядом друг с другом, только руку протяни.

Где-то около полуночи мы ушли вместе.

«Хочешь, попробуем забраться в “Рокки”?» – спросил он меня. Рокфеллер-Холл – внушительный учебный корпус, возвышающийся нашлапкой в центре студгородка. Я всегда побаивалась попасть в неприятности, но тогда с ним я бы пошла куда угодно, поэтому я сказала: «Да».

Мы обошли здание по кругу, высматривая окно, которое забыли закрыть, и нашли такое как раз в тот момент, когда уже были готовы сдать и пойти по домам. Я шла за ним вверх по ступенькам до верхнего этажа, а потом мы спустились вниз в узкий коридор с преподавательскими кабинетами. Теперь я уже точно не помню, горел ли там свет или, может, только указатели «Выход»? Может, это был свет от наших телефонов? Но каким-то образом Джейми нашел эту маленькую дверцу, размером в половину от обычной двери, за женской душевой. Должно быть, я проходила мимо нее раз двадцать во время учебы в колледже и никогда не обращала на нее внимания. Он был таким: он заставлял обращать внимание.

Он подергал дверь, и она открылась, обнаружив вход в подвал, скорее всего, предназначенный для хранения всякой всячины, и заполз в темноту. И я, со своим страхом темноты, маленьких пространств и всего, что я не могу увидеть, пошла за ним. Он закрыл за мной дверь.

Я столько раз возвращалась к этому воспоминанию, что оно уже начало стираться из памяти. Эти маленькие, застывшие во времени моменты, когда человек, которого ты хочешь, смотрит на тебя, видит тебя даже в темноте, хочет тебя прямо сейчас, – я бы схватила их в горсть и впряла в волокна пряжи, если бы смогла, ввязала их в одеяло и навсегда зарылась бы в его складках.

Джейми был влюблен в кого-то еще, и я тоже, несколько раз.

¹¹ Это разновидность мысленных экспериментов, иллюстрирующих зависимость человека в понимании действительности от его субъективных ощущений.

¹² Настольная игра по составлению слов и кроссвордов.

Но я всегда хотела его так, как он никогда меня не хотел, но вместо того, чтобы позволить мне оттолкнуть его, он принял это и превратил в крепкую и постоянную дружбу. В следующем семестре он поехал в Лондон, но вернулся раньше срока, так как ему поставили диагноз, все лето и осень он проходил лечение, стал таким худым и бледным, что, когда однажды я встретила с ним в кампусе, это было так, словно я увидела его призрак. Когда у него наступила ремиссия, он вернулся в колледж и закончил его вместе с нами; он давал мне советы в любви и писательстве, летом он переехал в город, а когда похолодало, заболел вновь и умер в один из первых теплых весенних дней. Вот и все, а я еще цепляюсь за то одно воспоминание, всего лишь одну петельку во времени.

В течение нескольких месяцев после смерти Марины, а затем и Джейми я видела их в городе повсюду. Я замечала мельком ее острый носик или его взъерошенные волосы, а затем осознавала, что, конечно же, это не она, и это точно не мог быть он. Их отсутствие ощущалось, как недостающая ступенька на лестнице, как если бы вы поперхнулись глотком воды, которая зашла не в то горло.

Теперь же это ощущение более абстрактно. Потому что они умерли такими молодыми, потому что мое время с ними было слишком коротко, я износила эти несколько воспоминаний уже давно. Поэтому я часто переношу их в места, где на самом деле они никогда не были. Я думаю о Джейми, когда играю в игры, в любые, даже в те, в которые мы не играли вместе, и не уверена, что он бы имел возможность этому научиться. Понравился бы ему криббедж¹³ или «Колонизаторы»¹⁴ или он посчитал бы их скучными? Я представляю его на вечеринках, на которых бываю, полных народа, с кем мы вместе учились в колледже. Пригласит ли он меня через *Facebook*, чтобы удостовериться, что я тоже буду там, даже в *усталую пятницу*, когда Гринпойнт¹⁵ и Верхний Ист-Сайд¹⁶ кажутся такими далекими, что даже думать про них не хочется. Я прохожу по району, где он жил, и думаю: «А что, если отправить ему *SMSky* и пригласить выпить, поиграть в *Scrabble*, обнять его на прощание и почувствовать однажды такой знакомый, а теперь забытый запах кожи на его шее.

Марину я представляю на работе, в *Twitter*'е и на вечеринках, совсем не таких, где мог бы бывать Джейми. Книжные вечеринки, театральные вечеринки, вечеринки, где все стоят и рассказывают, перебивая музыку, как им недоплачивают и как они переквалифицировались, где они интересуются друг у друга, как дела в творчестве и любви, а потом просеивают ответы сквозь фильтр, чтобы найти крупинцы золотой правды, подтверждение того, что сами они все делают правильно в сравнении с другими. Остались ли бы мы с ней друзьями или это превратилось бы в одно из тех знакомств, где все, о чем нам осталось говорить, это тот факт, что мы познакомились в такое особое для нас, напряженное время?

«А вы знали, что мы вместе проходили стажировку?» – рассказывали бы мы своим друзьям первые несколько раз при встрече, а затем растворились бы в улыбках, приветственных взмахивах рукой, лишь время от времени обращая внимание на имя автора под очередной статьей.

Я не знаю, кем бы они были для меня сейчас. Я лишь знаю, что я теперь старше, чем они оба когда-либо будут, и это пугает меня. Потеря этих двух людей заняла так много места в моей жизни, что в то время, когда меня попросили связать кофточку для малыша всего через шесть месяцев после смерти Джейми и чуть больше года после смерти Марины, я почти полностью забыла о мысли о новой жизни.

¹³ Криббедж (криббидж, крибедж), англ. cribbage – карточная игра для 2 игроков, популярная в Англии и США.

¹⁴ Колонизаторы (нем. Die Siedler von Catan) – немецкая настольная игра, созданная Клаусом Тойбером.

¹⁵ Гринпойнт (англ. Greenpoint) – самый северный район боро Бруклин, Нью-Йорк.

¹⁶ Верхний Ист-Сайд (англ. Upper East Side) – квартал в Манхэттене.

Вязание этой кофточки стало реальным и весомым напоминанием о ней. Вязание любой вещи придает вам чувство обладания контролем, как демонстративный дерзкий вызов перед лицом горя: эта вещь твоя, именно такая, какой она должна быть, и она существует там, где раньше не было ничего. И с каждым провязанным рядом в вещичке, предназначенной для малыша, все более отчетливо проступают его или ее очертания в ожидании, когда эта вещь приобретет свою конечную форму. Мне нравилось осознавать, что эта будущая кофточка лежала в моей сумке в течение рабочего дня и рядом с моей кроватью, когда я просыпалась. Я чувствовала ее свечение; я чувствовала ее дыхание.

Я закончила даже на несколько дней раньше. Ода предложила мне пришить на кофточку маленькую этикетку с моими инициалами, прежде чем отдать ее. «Как знать, – сказала она, – может, эта кофточка станет семейной реликвией или чем-то вроде». Она сказала, что кто бы ни получил ее следующим после этой малышки, которую назовут Майей, кто мог бы оказаться таким же громким и настоящим, как Марина, или спокойным и добрым, как Джейми, или бесконечно открытым, как Ода, он наверняка захочет узнать, откуда эта кофта появилась.

Через несколько недель после того, как я отдала кофточку, Ода прислала мне несколько фотографий. На них были новоиспеченные родители и Майя, родившаяся накануне ночью. Малышка выглядела крошечной и недоуменно чудной, с копной черных волос, по поводу которой мое лысое малышковое Я испытало жгучую зависть. Она была слишком маленькой для этой кофты и даже для шапочки, которую начала вязать Ода, а заканчивать которую пришлось мне. (Мы обе знали, что так и произойдет.)

Но это, подумалось мне, и хорошо. Она еще вырастет.

Вяжут не только бабушки

Если я прочитаю еще хоть одну статью, которая начинается со строчки вроде: «Вяжут не только бабушки!» – я порву ее в клочья иглой для валяния шерсти.

Различные варианты этого предложения можно встретить повсюду, приправленные новомодными трендами о том, как поколение двухтысячных валом валит к искусству вязания, и захватывающими дух новостями о том, как вязание прибавляет двадцать лет жизни и сжигает больше калорий, чем занятие йогой во время секса.¹⁷ И да: я рада, что люди пишут о моей главной любви в жизни. Я просто недовольна тем языком, который они слишком часто используют, чтобы ее описать.

Торговая марка «Вяжут не только бабушки!™» низводит вязание (и рукоделие целиком) до ключевой реплики культурной остроты, выставляя его на всеобщее обозрение как мягкий, но безобидный анахронизм.

«Молодежь! Использует свои руки! И не для того, чтобы писать секс-SMSки на своих iPad'ах-и-всяких-штуках или разрушать экономику! Эти миллениалы всегда заняты чем-то невообразимым и бесполезным».¹⁸ Такая позиция наглядно проявляется в действии в ромкомах или ситкомах, или прочих-всяких-комах, где дамочки изображаются с вязальными спицами и бутылкой вина в руках (плюс, может, парочка котов в придачу для пущей верности), когда им совсем нечего делать в субботний вечер: вязание такое старомодное и скучное занятие, что, конечно же, вы занимаетесь им только в том случае, если вы недостаточно вооружены, чтобы противостоять реальному миру.

Чуть менее значимое, но тоже имеющее к этому отношению обстоятельство, которое приводит меня в бешенство, – это когда вязание неверно изображают в кино или на телевидении. Некто поклацает палочкой о палочку – и появляется носок, а рядом с кончиками спиц нити и в помине нет. Существует даже отдельный блог, в котором есть перечень таких ошибок, – *thatsnohowyouknit.tumblr.com* – и пусть это может показаться излишне педантичным, подумайте только, сколько времени и денег уходит на производство хоть одной секунды экранного времени. Подумайте обо всех дублях, обо всех правках в сценариях, обо всех костюмах, и зарплатах, и декорациях. Или, если говорить о мультиках, все эти сотни часов, потраченных на то, чтобы убедиться, что каждая деталь последовательна и логична. Неужели нельзя было пригласить кого-нибудь, кто мог бы подтвердить, что персонаж держит нить пряжи правильно? На самом деле я бы с удовольствием побыла таким приглашенным консультантом по вязанию, так что, если вы – глава какой-нибудь крупной студии, пожалуйста, звякните мне.

Я уверена, что авторы таких статей и создатели таких шоу не намеренно пренебрежительны; они (или их редакторы), вероятно, считают себя чрезвычайно умными и оригинальными либо они не думают вовсе. Это не их мир, и поэтому они прибегают к сокращению его описания, и я признаю свою вину в этом и в своем собственном писательстве. Когда только появился *Pinterest*,¹⁹ к нему было подобное отношение, как к своего рода неспешному предисловию: разве не ново и не забавно, что этот расфуфыренный интернет-альбомчик с *рецептами, одеждой и домами* имеет реальную ценность? Что кто-то (много кто) влил настоящие рекламные доллары в этот сервис?

¹⁷ Пожалуйста, каждый раз, когда я пишу «поколение двухтысячных» (надеюсь – в последний раз), читайте настолько с ироничными тильдами и звездочками, и цитатами, насколько возможно их уместить в ваше поле зрения. На самом деле еще одно упоминание: в данном случае я в первую очередь имела в виду женщин поколения двухтысячных. Если вы заметите вяжущего мужчину в естественной среде обитания, это достойно отдельной публикации.

¹⁸ Последнее уж точно встречается в той книге сплошь и рядом.

¹⁹ *Pinterest* – социальный интернет-сервис, фотохостинг, позволяющий пользователям добавлять в режиме онлайн изображения, помещать их в тематические коллекции и делиться ими с другими пользователями.

Но такие «виртуальности» имеют значение. То, что мы помещаем внутрь, на и вокруг наших тел, имеет значение, как и то, что именно мы создаем. Это выбор возможных вариантов, который приходится сделать, когда, возможно, мы не способны выбрать нечто большее: работа, любовь и потери, место в мире. И потому, может быть, неким случайным образом те печально-шутливые ляпы про вязание в ситкоммах содержат в себе зерно истины: создание материальных вещей, несомненно, помогает удержаться на плаву, когда внешний мир уж совсем накроет. Но разница в том, что мы сами выбрали это занятие.

По отдельности такие мелочи довольно досадны, но все вместе они рисуют уродливое, сексистское полотно. Рукодельницам говорят, что мы обязаны получить разрешение на занятие нашим любимым хобби, любезно предоставленное «*Растакой-то газетой*» или *blahdiblah.com*, потому что в противном случае все, что нам остается, это стыдиться наших увлечений.

А вот что по умолчанию делают подобные неуклюжие и бездумные новомодные тренды: они додумывают начало и конец. Они отрицают истоки, они стирают тонкости, разнообразие и жизни настоящих реальных людей, которые вложили свою страсть и энергию, учась тому, как создать тот мир, который они хотят создать.

Что подводит нас к моей самой нелюбимой части бренда «Вяжут не только бабушки! ТМ»: как же это неуважительно по отношению к бабушкам! Да бабули рулят! Бабули круты! Скорей бы мне стать бабулей! Так много историй о рукоделии, включая и мою собственную, начинаются с бабушки, что это должно быть предметом гордости, а не отречением.

«Мне было шесть/двенадцать/тридцать, когда моя бабушка решила, что пора научить меня вышивать/вязать спицами/крючком», – так начинаются эти истории, повествуемые новым знакомым в магазинах пряжи, незнакомцам в метро или даже старым друзьям в барах. Часто они преподносятся в качестве ответа на вопросы: «А что ты делаешь?», «Когда ты стала этим заниматься?», «Зачем ты всегда таскаешь с собой столько спиц?»

Иногда конкретно взятая бабуля – строга и сурова, она проявляет лишь редкие проблески привязанности к рассказчику, только когда он или она изо всех сил пытаются провязать первый кривой-косой ряд. Иногда бабушка – добра, она прерывает урок по вязанию крючком, чтобы вытащить еще один противень с сахарным печеньем из духовки. Иногда она – на смертном одре, желающая передать свои навыки прежде, чем покинет этот мир, а иногда она живет достаточно долго, чтобы успеть вышить слюнявчики для всех малышей рассказчика. Частенько «бабуля» вовсе даже не бабуля, а учительница средней школы, или церковная община, или дядя. Иногда эта «бабуля» одного с вами возраста или намного младше. Иногда бабуля – это *YouTube*. Но факт остается фактом, что вязание и прочие его сородичи – это не врожденные способности.

Их преподают и этому учат, улучшают и передают дальше по взаимосвязанной серии петелек, которые создаются и накладываются друг на друга, как и само рукоделие. Почему нам должен льстить тот факт, что некие информагентства призывают нас не переживать, что мы гораздо более *классные и прекрасные*, и даже более *продвинутые*, чем те, кто был когда-то так великодушен по отношению к нам?

И да, тут я на 1 000 000 процентов ушла в оборону. Я знаю, ведутся культурные бои и поважнее, и не имеет значения, насколько бестактно написаны подобные статьи, если в результате прочтения хоть одной из них хоть один человек да зашел впервые в магазин рукоделия. Уже поэтому все они не бесполезны. Но святость и ценность изготовления вещей своими руками стоит защищать, а если вы вооружены острыми палочками, то нанести ответный удар становится гораздо проще.

Моя собственная бабушка – мама моей мамы – вязала пледы. «Афганы», как она их называла, – слово, которое мне нравилось повторять снова и снова, когда мы бывали у нее в гостях в Вирджинии; я была еще такой маленькой, что могла завернуться в один из них целиком,

как в оранжево-багряное бурито. Буйство изысканно-величавых оттенков, которые идеально подходили к цветам ее одежды, ее дома, ее драгоценностей. (Уши у нее не были проколоты, поэтому всю свою жизнь она носила большие красивые клипсы. Я до их пор останавливаюсь перед прилавком с клипсами, когда бываю в ювелирном магазине, даже несмотря на то, что уши я проколола в тринадцать лет.)

Она вязала «афганы» крючком, когда смотрела телевизор в компании моего дедушки, я даже не знаю, сколько всего она их сделала, но, кажется, у нее ушли на это многие десятки, сотни часов движений крючком, стремительно мелькающим и отблескивающим в постоянно растущей кипе вязаного полотна.

Мне нравилось наблюдать за ней. Мне это нравилось так же, как некоторым нравится смотреть на лыжные гонки на Олимпийских играх, даже если сами они никогда и не ступали на гору: скорость, практически непостижимая элегантность, такой совсем новый, но в какой-то мере знакомый способ двигаться по жизни в этом мире. Мне нравилось, как она полностью контролировала все, что бы то ни было, что бы она ни вязала, и как каждое действие (такой легкий резкий жест, который я так и не смогла повторить, неважно, сколько я бы на нее нисмотрела) имело непосредственный эффект (петлю!). Мне нравилось наблюдать, как растет кучка вязаных квадратиков рядом с креслом, где сидела бабушка, и особенно мне нравилось то, что, когда я вернусь сюда обратно, через шесть месяцев или через год, все эти квадратики уже превратятся каким-то образом в плед.

Мой первый проект тоже был пледом, хоть и недостаточно большим даже для самого крошечного человечка. Это был прямоугольник из светло-бирюзового полотна, связанного под чутким руководством моей бабушки в один из выходных на пляже. Моя семья – родители, младшая сестра, младший брат и я, плюс еще мамины родственники и ее сестра Кейтлин, – каждый год ездили в арендованный дом в Делавер. В той же степени, что и слово «афган», которое засело в моей голове, сама идея пойти на пляж в Делавере выглядела как-то забавно. Кто б знал, что в Делавере есть пляжи? Разве все пляжи не находятся во Флориде или, может, в Кейп-Код²⁰?

И все же даже мне – егозе-всезнайке – нравилось возвращаться в тот дом с высокими парящими потолками и всякими вещицами, инкрустированными ракушками. Мне даже нравилась двенадцатичасовая поездка на машине из Массачусетса. Моя мама запикивала нас в маленькую голубую *Subaru*, на которой я, через десяток лет и через две попытки, получу свои водительские права. Морайя (моя сестра) и Мэттью (мой брат), и я слушали аудиокниги: «Хроники Нарнии» и «Гарри Поттер» на кассетном плеере и засыпали вповалку друг на друге, просыпаясь, лишь когда мы останавливались возле гостиницы *Hampton Inn* в Нью-Джерси. Эта гостиница знаменовала собой половину намеченного пути, она всегда поражала меня чрезвычайной гламурностью, в основном из-за шведского стола за завтраком.

Мои воспоминания о курортном городке Фенуик – Айленд²¹ слились воедино в вихрь из прогулок по пляжу и экспедиций по сбору ракушек. Я, как самая старшая и самая главнокомандующая, возглавляла эти походы, стойко сопровождаемая бабушкой с металлодетектором и прочими, плетущимися в хвосте этого шествия. Я даже не знаю, где теперь эти ракушки, но у меня осталось три отчетливых воспоминания.

Мне семь или восемь лет, решающий момент на последних минутах игры в шарады. Это излюбленная игра нашей семьи, никаких поблажек никому, неважно, маленьким или взрослым. Я очень люблю соревноваться, хоть и не преуспела ни в играх, ни в спорте (факт, который остается со мной до настоящего момента времени и уже ощущается как некое небольшое про-

²⁰ Cape Cod – «мыс трески» – полуостров на северо – востоке США в 120 км от Бостона, самая восточная точка штата Массачусетс. Известен своими пляжами.

²¹ Fenwick Island (Фенуик Айленд, Фенвик Айленд, остров Фенвик) – прибрежный город в графстве Сассекс, штат Делавер, США.

клятие). Но в этом раунде я угадала и выиграла, чуть ли не с первой закорючки, что разгадкой на вопрос было на самом деле «Шар – ады». Это было мое первое представление о метаконцепции, и я была очень довольна собой.

Несколько лет спустя на одной из моих прогулок к заброшенному дому с привидениями мой обычно добродушный дедушка потихоньку прокрался за мной. Он накинул себе на голову пальто и схватил меня. Я так испугалась, что разревелась. Он чувствовал себя ужасно и через несколько дней привел меня опять к этому дому с привидениями, чтобы показать, что мне нечего бояться. («Смотри, вот краска облупилась, вот даже гвозди видно!») Я рассказала эту историю на его похоронах, и все смеялись, потому что он был такой внимательный, такой заботливый, такой чуткий и воспитанный профессор, а это прозвучало, словно я застучала Санта-Клауса курящим сигарету.

И тот год, когда мне было шесть. Шел дождь. На самом деле практически буря – ураган «Флойд», дурацкое прозвище для стихийного бедствия, из-за которого все дощатые настилы на пляже были разрушены, и поиски ракушек пришлось отложить на неопределенный срок. Мэттью еще не родился (он появится только в феврале), а с трехлетней Морайей после нескольких дней заточения в доме мне стало скучно. Я скулила и хныкала, пока моя бабушка не усадила меня на диван рядом с собой и не дала мне пару темно-синих алюминиевых спиц. Я буду хранить их вечно.

Она показала мне, как набрать первые петли на спицы. Она показала мне, как держать нить (за спицей), как выполнять петлю (над, вокруг и сквозь) и как отпустить старую петлю (осторожно, уверенно, с надеждой, что все будет в порядке). Она объяснила мне, что сильно затягивать не нужно, иначе петли получатся слишком плотными, и терпеливо помогала мне провязывать следующий слишком плотный ряд, раз я ее не послушалась. Поначалу я расстроилась – я всегда расстраиваюсь, если сразу не могу в чем-то разобраться, будь то шарады или рукописный текст, – но вскоре уже сама провязывала ряды, без помощи пальцев бабушки на моих руках.

И мне все меньше кажется, что я бреду пешком, и все больше – словно я плыву в океане, а затем – словно я возвращаюсь домой в конце долгого путешествия.

Мы так и сидели, я даже не знаю, как долго, но я помню, что в конце, когда бабушка показала мне, как закончить полотно, закрыв петли, у меня получилось... что-то. Это не шарф и не подставка под горячее, слишком куцее и маленькое, чтобы быть хоть чем-нибудь, но это определенно была вещь. Кто-то, кажется, тетя Кейтлин предположила, что это могло бы быть одеялком для плюшевой игрушки и что такое применение ничуть не хуже любого другого.

В последующие поездки на Фенуик-Айленд и в наш дом в Вирджинии бабушка показывала мне новые техники: как вязать изнаночные, как вязать по кругу. Это открывало для меня безграничный мир шапок, рукавов, рукавичек и, в один прекрасный день в далеком будущем, носков. Поначалу я была слишком нетерпелива, чтобы научиться читать схемы и инструкции, поэтому импровизировала, нащупывая свой путь через шапки и шарфы, пока они становились все менее корявыми, менее бугристыми и все больше напоминали собой ту форму, которая и должна быть у вещей для нормальных человеческих тел.

Вскоре я переместилась за пределы бабушкиного дивана и начала учиться с помощью стопки книг по вязанию и целой россыпи веб-сайтов. Я без особого желания училась расшифровывать схемы и вскоре уже не могла вспомнить, как это – не уметь, так же как мы не совсем помним, как оно было до того, как мы научились читать. Я даже внесла парочку своих изменений в схемы. Я становлюсь лучше, я теряю интерес, я снова берусь за дело, я меняюсь в лучшую сторону. У меня есть парень, у меня есть учеба, у меня есть работа, я вяжу. Я взволнована, я счастлива, я одинока, я вяжу.

Я не прекращала вязать на самом деле с того самого дня на пляже. Я постепенно скопила больше спиц и больше пряжи, самых разных размеров, самых разных цветов. Такая у меня

склонность – коллекционировать вещи: ракушки, миниатюрные кукольные домики, которые я обожала обставлять в детстве так называемой «обстановкой», хотя сами куклы мне были вовсе не интересны. Время от времени я раскладываю всю пряжу на полу комнаты, словно нахохлившаяся птичка в радужном гнездышке. Сейчас я храню пряжу на книжных полках в квартире, где живу одна, по-прежнему рассортировав ее по цветам. Та же идея: мне нравится окружать себя возможностями, напоминанием, что, чего бы мне ни захотелось или ни потребовалось, я могу тут же заграбастать клубок и начать делать что-то новое. Я стала одновременно больше, чем я сама, и как раз того размера, что нужно.

Интересно, все ли чувствуют то же самое, когда и если находят свое. Не обязательно призвание, не совсем чтобы страсть, не то занятие, которое, как можно ожидать, принесет деньги, или славу, или достижение более высокого уровня жизни. И даже не то, что занимает много места, но вписывается в жизнь настолько бесшовно и гладко, словно для него всегда было место. Просто тихий выдох «ах!» от попадания в точку, от шороха кроссовок по асфальту, от гармонии хора. От петли, соскальзывающей с одной спицы на другую.

У меня не было возможности спросить у бабушки, что вязание на спицах, или вязание крючком, или игра на саксофоне, или пение, или садоводство, или один из десятков способов, которыми она обустроивала свою жизнь, значило для нее. Нет, это не так – у меня было много возможностей. У меня было двадцать пять лет диванов и Рождественских праздников. Я просто не подумалась спросить.

Потому что, в отличие от вымышленных бабушек, Патриция Фури (Пэт, или Ма, или Мама) не только вязала пледики. Она играла в городском оркестре и пела в хоре, и она сделала все, чтобы и у моей мамы, у Кейтлин и их брата (которого зовут Майкл, как и моего дедушку) музыка была в крови. Она окончила школу в пятнадцать, а степень магистра по социологии получила, когда ей было за сорок. Она терпеливо выращивала цветы таким же магическим способом, как и работала со спицами и струнами, и она безумно нас всех любила, порой даже чрезмерно. (Мои выщипанные брови всегда были нерешенной проблемой, как и неестественный, пурпурно-красный цвет волос, который я перекрасила обратно в свой обычный в старших классах. Я умышленно игнорировала ее советы, и теперь, когда мои брови срослись, а ужасная краска на волосах отросла и сострижена, я осознаю, что следовала им неукоснительно.) Она требовала для себя самые удобные, самые тихие места без сквозняков в ресторанах, даже когда мы все сжимались за ее спиной, чувствуя себя очень неловко. Она ежегодно принимала нас на Рождество в своей гостиной. Она хотела, чтобы мы были лучшими.

«Никто не любит меня так, как она», – сказала мне моя мама в телефонном разговоре всего за несколько дней до смерти бабушки, когда мы уже почти осознали, что скоро это случится.

Я хотела сказать, что люблю ее, что могу научиться любить ее даже еще сильнее, чтобы заместить ей грядущую потерю, но понимала, что это совсем не то. Позже, когда тот самый человек, связавший первый ряд всего, что я могу сделать в своей жизни, ушел, я смутно начала понимать, что имела в виду моя мама.

Что случается с вещью, когда ее создатель умирает? Мне сложно определить, в каком времени лучше описывать многочисленные проекты моей бабушки. Ее пледы все еще здесь – они и *сейчас* оранжевые, и кажется, неправильно говорить, что они *были* оранжевыми, – но, тем не менее, они претерпели изменения. Они имеют большее значение и все же занимают меньше места в нашей жизни, потому что больше их уже не станет. Больше не будет словесных перепалок в ресторанах, не будет укутывающих объятий. А что происходит с вещью, которая была подарена, а затем возвращена? Я связала для бабушки столько вещей, поначалу плохих, а затем довольно хороших. На Рождество перед ее смертью я связала ей носки, которые мама отдала мне обратно после похорон. Это не было неправильно – хуже было бы, если бы они потерялись и их некому было бы любить и пользоваться ими, – но не могу заставить себя их

надеть, хоть и сомневаюсь, что бабушка надевала их хоть раз. Они выглядят пустыми, несмотря на то что носки и должны быть пустыми.

Упущенные возможности

Ты: Девушка в метро на линии F Манхэттена, которая вяжет что-то похожее на носок – не успела рассмотреть как следует, потому что ты вышла на следующей остановке после того, как я вошла в вагон.

Я: Девушка, которая тоже хотела бы иметь с собой вязание и достать его в знак солидарности или, по меньшей мере, подать некий тайный сигнал, дать понять, что я – такая же, как ты, а не просто какой-то псих, который пялится на тебя через весь вагон.

Ты: Классный парень, который вяжет в метро на ветке L.

Я: Та, которая на самом деле никогда тебя не видела, но получила две SMSки от разных друзей в один и тот же день, уведомлявшие, что они нашли свою вторую половинку. И если вы два разных парня, в таком случае привет вам обоим.

Ты: Дамочка, которая громко возмущалась по поводу моей вышивки в метро на ветке N.

Я: Приношу извинения за вышивание слова «Задница» в общественном месте. В свою защиту могу сказать, что это было для друга.

Ты: Все пассажиры в том самом вагоне метро на ветке M.

Я: Благодарна, что никто из вас не смеялся, когда я пыталась вязать стоя, даже когда я уронила клубок и он укатился под ближайшее сиденье.

Ты: Женщина, с которой я так долго болтала в автобусе № 7, в первое свое лето в Нью-Йорке. Ты была на несколько лет старше меня и очень красивая, волосы забраны назад в хвостик, а прядь волос намотана на резиночку так, что это выглядит суперэлегантно и аккуратно. Когда ты заметила, что я вяжу, ты села рядом и всю поездку до Квинса рассказывала о своем рукоделии, любимых магазинах пряжи, планах продавать свои изделия. Ты дала мне свой номер – он все еще записан в моем телефоне как «Кристина Вязание» – и заставила меня почувствовать, что мир гораздо дружелюбней и шире, в хорошем смысле этого слова.

Я: Извини, мне не хватило мужества набрать SMSку.

Ты: Мужик, развалившийся на двух сиденьях, широко раздвинув ноги.

Я: Крестonosец в битве за личное пространство, который использует вязание в качестве прикрытия для распахивания людей, занимающих гораздо больше положенного им в разумных пределах места на сиденье в метро.

Ты: Пожилая женщина на платформе J Деланси-стрит, вяжущая крючком быстрее, чем я моргаю.

Я: Крашенная рыжая, которая хочет научиться твоему колдовству.

Ты: Чрезвычайно добродушная пара немецких туристов на ветке G в Бруклине.

Я: Рыдающая девушка, которой вы дали кучу салфеток и мятные шоколадки.²² Джейми умер несколько недель назад, и я уже решила, что внезапные приступы горя у меня прошли, но оказалось, что нет. Один из вас сказал мне: «Что бы это ни было, все будет хорошо». В то время казалось, что это совсем не подходит к моей ситуации, но теперь думаю, что вы были правы. Эта история не о вязании или чем-то подобном, но с тех пор я с большой теплотой отношусь к мятным шоколадкам.

Ты: Красивый шарф с косами, который я связала из мягкой серой шерсти мериноса, стоившей гораздо больше, чем я когда-либо признаю.

Я: Идиотка, которая забыла тебя в метро однажды вечером, когда была пьяна.

Ты: Кто бы ты ни был, нашедший мой шарф.

Я: Его создатель, который искренне надеется, что ты будешь любить его.

²² Andes mint – мятные пастилки в шоколаде.

Ты: Парень с ветки R, который сказал мне, что мое вязание напомнило тебе о бабушке, а потом попросил мой телефон.

Я: Незаинтересованная женщина, которая надеется, для твоего же блага и блага всех женщин мира, что ты никогда не будешь использовать этот же прием для знакомства снова.

Мы расстались прежде, чем я купила пряжу. Я связала Сэму²³ много вещей за годы, что мы были знакомы: шапочку, которую он мог бы носить на работу; снуд, который согревал бы ему шею, пока он ездит по всему Бруклину на своем велосипеде; пару серых носков с красными пятками, которые были полной противоположностью паре носков, которую я связала для себя. Однажды я даже попробовала связать ему галстук-бабочку. Это был полный провал, позорно болтающийся на ниточке, мы вместе посмеялись, когда он развернул упаковку. Единственная вещь, которую я ему не вязала, – это свитер, и он – большой, серый, уютный – должен был стать подарком на Рождество.

Но оставалась лишь одна мелочь – проклятие. Каждая вязальщица на спицах (да и большинство вязальщиц крючком) знают о Проклятии Свитера для Бойфренда.

Это полная противоположность Курицы для Помолвки, это гарантия того, что, если вы намереваетесь связать для своего парня свитер, ваши отношения закончатся еще до того, как вы закончите вязание.²⁴ Я читала страшилки, которые рассказывают друг другу только шепотом, и столь же яркие опровержения в журналах по вязанию и на сайтах, которые часто посещала. Я верила в это так же, как и в то, что, если я потеряю свои ключи, то только потому, что Меркурий пребывает в ретроградном периоде, или как в то, что люблю командовать, потому что я – овен: не слишком уж занятное объяснение, но не без иронии, этакий удобный способ упорядочивания вещей. Да, возможно, это предания моего народа, но не то, что нужно серьезно.

Сэм не был первым парнем, для которого я вязала. До него большую часть десятилетия я провела в веренице отношений, непрерывно следующих друг за другом. Сколько себя помню, я всегда думала о себе как о чьей-нибудь девушке. В этом я хороша. Мне нравится ежедневный ритуал SMSок с пожеланиями спокойной ночи, утренний секс спросонья; мне нравится покупать друг другу еду на вынос или билеты на автобус, вычитывать мотивационные письма друг друга и знакомиться с друзьями друг друга. Мне нравится стоять на вечеринках, засунув большой палец за его поясную петлю, препираться, на какой фильм в кино мы еще можем успеть, и осознать на полпути, что на самом деле настоящая ссора вовсе не из-за того повода, по которому вы сцепились. Мне нравится, что я могу обернуться назад и сказать: «Эй! Посмотри-ка на нашу жизнь, мы ее сами создали!»

Это как вязать шарф или свитер, наблюдая, как петли укладываются одна за другой ряд за рядом: проходит месяц, проходит год. Можно укрыться в осознании того, что кто-то выбрал тебя, кто-то понимает тебя, и, таким образом, ты в безопасности.

Но есть, конечно, и обратная сторона. Когда я ни с кем не встречаюсь, я могу стать неуравновешенной, немного маниакальной, барахтаясь в борьбе со своим жалким существованием, словно я пытаюсь просунуть голову в слишком узкую горловину. «Давай, гребни к следующему, – шипит внутри меня этот гадкий голос, – если только не исчерпаешь себя полностью, если только не перестанешь быть достойной, если только все эти разы *до* были просто туфтой». Отношения – это утешительный пластырь, и неважно, насколько я небезупречна и напугана, я все еще могу сделать что-то правильно. Всегда есть кто-то, кто спасет меня, даже если я не могу спасти себя сама. И поэтому я хваталась за отношения обеими руками, даже не останавливаясь, чтобы задать себе вопрос, действительно ли это то, чего я действительно хочу.

²³ Это не его настоящее имя.

²⁴ Пребывающим в блаженном неведении: Курица на Помолвку – это мифический рецепт в анналах женских журналов, гарантирующий, что ваш мужчина (всегда достаточно стильный) сделает к концу трапезы вам предложение, если вы (всегда женщина) приготовите ее для него.

Почти для всех своих парней я вязала. Если вы будете достаточно долго ошиваться со мной, велики шансы, что я попытаюсь так или иначе обрядить вас в вязанные вещицы – за зимние каникулы моего последнего года в колледже я связала два свитера, шарф-хомут, две пары кашемировых носков для моих четырех соседей по квартире, потому что я их нежно люблю, но также и потому, что мои собственные части тела для украшения уже закончились. Практически каждый год я делаю рождественские подарки для всей моей семьи, и после той первой кофточки для малыша последовала целая серия крошечных шапочек один месяц за другим, словно все, кого я знаю, сговорились и составили график рождения детей.

Но с парнями это выходит за рамки обычного соседства. В рукотворном подарке столько всего связано, столько, словно это миниатюрная версия отношений. Что им нужно? (Шарф, шапка, перчатки.) Это действительно то, что им нужно? (Три пары заброшенных перчаток на верхней полке шкафа, о которых никогда не вспоминают, даже когда они нужны.) Что ты хочешь подарить? (Кашемир такой дорогой, но такой теплый.) Или чему научиться? (Кто б знал, что с перчаточными спицами столько заморочек!) Знаешь ли ты их тела настолько же хорошо, как ты думаешь? (Ладони размером с бейсбольную перчатку... Да такими руками только на пианино играть!)

Будешь ли ты прятать свой подарок от него в процессе работы, чтобы друг увидел лишь уже готовый результат? Прибережешь ли ты его для особого события – дня рождения, юбилея – или подаришь, когда в нем возникнет нужда, как в первое утро, когда он выглянет из окна и станет ворчать, как ему ехать на велосипеде через весь город по такому снегу? Ждешь ли ты особой реакции, когда передаешь свой подарок? «Это прекрасно!», «Ты прекрасна». «Я люблю тебя, как я могу когда-либо уйти?»

Потому что твой подарок – это утверждение. «Я люблю тебя, – говорит он. – Я люблю тебя в тысячу петелек и четырнадцать поездок на метро больше. Я достаточно люблю тебя, чтобы согреть, я достаточно люблю тебя, чтобы знать, что тебе нужно и кто мы есть, а взамен я хочу, чтобы ты думал обо мне и хотел меня, и чувствовал меня, даже когда меня нет рядом». Это не бескорыстный акт самопожертвования; любая рукотворная вещь – это почти как рация, проволока между двумя стаканчиками, по которой создатель нашептывает:

«Я была здесь. Я имею значение для тебя».

Первого парня, для которого я вязала, тоже звали Сэм.²⁵ Мы познакомились в летнем лагере театральных искусств, и я любила его, обалдевая от восторга, так, как только может любить театральный фанат-чудик, лишь недавно отпраздновавший бар-мицву.

Все лето я глаз не сводила с этого худощавого мальчишки, который так тщательно укладывал свои волосы в ершистый ежик, смеялась над его импровизациями и как минимум от трех своих подруг выслушала, как сильно он тоже им нравится. Я удивилась, когда он попросил мой ник в AOL-мессенджере²⁶ в конце лета, попросил меня прогуляться с ним по центру города, спросил меня, может ли он поцеловать меня прямо на кресле, заваленном вещами, в моей спальне.

Наши брекеты звякнули друг о друга, и я была так счастлива, что даже не знала, что со всем этим делать. Я так тщательно планировала свои наряды, что до сих пор это помню, полжизни спустя, но такой спешки, такого чувства я не планировала вовсе.²⁷ До того момента я не знала, что, когда кто-то тебе нравится, возможно, ты тоже ему нравишься.

Мы с Сэмом 1.0 встречались шесть месяцев, целая жизнь по стандартам восьмого класса. Он жил в соседнем городе, и нашим родителям приходилось возить нас на все наши свидания.

²⁵ Тоже не его настоящее имя.

²⁶ AOL Instant Messenger (AIM) – программа мгновенного обмена сообщениями, предлагаемая фирмой AOL (America OnLine).

²⁷ Светло-голубая укороченная толстовка от *Delia* поверх фиолетовой майки, которая в то время называлась «топик».

Мы целовались в кинотеатрах и в гостиных с опущенными шторами. Однажды он пригласил меня поужинать и оплатил счет в 50 долларов, очень благородно, на мой взгляд.

Я познакомилась с его семьей и друзьями и была обескуражена, когда оказалось, что я им действительно понравилась, они не считали странным, что этот золотой, сияющий человек вдруг захотел впустить меня в свою жизнь. Помню, как его старшая сестра, когда я возвращалась в колледж после каникул, сказала мне: «Позаботься о моем брате», – казалось мне таким торжественным и взрослым обещанием в шквале прощальных объятий. За год до этого, когда я стала ходить из школы пешком, мне подарили сотовый телефон, и я болтала по нему с Сэмом, в промежутках между нашими разговорами отправляя пачки сообщений в чате *AIM*. (Измеряется в пачках, потому что, конечно же, я распечатала их все.)

Он сказал, что любит меня, впервые по тому телефону. Я начала вязать для него шарф из зеленой пряжи. Я даже не думала что этому придет конец, даже не представляла себе, что между нами может быть все кончено; я любила его, а он любил меня, вот так обстояли дела.

Точно так же, как я не знала, что такое быть любимой, я не знала, как это – разрешить другому человеку не любить тебя. Однажды вечером у него дома он сказал, что ему очень жаль, но он хочет расстаться со мной. Я чувствовала не столько печаль, сколько шок – это было не по правилам. Он должен быть на моей стороне, мой человек, а не просто решить бросить меня в один прекрасный день, даже не дав мне шанса все исправить. И что мне теперь делать со всеми этими чувствами, со всем временем, со всем пространством внутри меня, которое было предназначено для него? Как мне вернуться к тому, чтобы опять стать собой?

И до сих пор этот разрыв остается одним из самых мягких из всех, которые у меня были. Моя мама могла приехать и забрать меня только через пару часов, или, может, я просто не хотела рассказывать ей, что случилось, по телефону, поэтому мы с Сэмом смотрели вместе «Секреты Лос-Анджелеса», а он позволил мне рыдать у него на плече.

Всю оставшуюся часть школьного года я прорыдала, а следующим летом в лагере познакомилась с другим мальчиком, а через лето – еще с одним. Я так и не закончила тот зеленый шарф, который начала вязать для Сэма; в конце концов я распустила его, а пряжу использовала, чтобы связать экспериментальную пару неуклюжих тапочек, которые так и не стала носить.

Я связала шарфы и парочку шапочек для своих парней из летнего лагеря, для парня из старших классов, который был на несколько лет старше меня, для высокого басиста, который однажды подошел ко мне в городской библиотеке, и так вышло, что стал моим парнем, и мы встречались следующие два года. Джо попросил одолжить учебник по истории США для подготовки к экзаменам, но только через несколько месяцев после того, как мы уже были вместе, я выяснила, что в своей католической школе для мальчиков через дорогу он изучал историю современной Африки.

Мы ездили повсюду на его старой белой *Volvo*, которую он окрестил «Белая жара», и фотографировал все: меня, мою сестру, всех наших друзей, превращая унылую плоскость нашего пригорода в нечто многоуровневое и захватывающее. Иногда мы курили травку, а однажды мама нашла предательски-троянскую обертку для самокруток на полу в моей спальне. В основном, однако, мы довольствовались прослушиванием музыки, игрой в компьютерные игры и лежанием головами друг у друга на животе. «Так вот что это такое, – думала я, разглядывая сотни и сотни его фотографий, которые документально регистрировали все время, проведенное нами вместе, – вот что значит иметь партнера, приятеля, свидетеля». Благодаря ему я чувствовала себя заметной.

Я попыталась связать ему носки летом после окончания школы, когда у меня еще не было работы, но было желание и много времени, чтобы научиться вязальным техникам. Они получились не очень удачными, больше походили на самые удручающие рождественские чулки во

Вселенной, чем на нечто, предназначенное для человеческой ноги.²⁸ А потом лето закончилось, я уезжала в колледж на север от Нью-Йорка, а он оставался в Бостоне. Я была настолько беспокойна и нетерпелива, в спешке мне хотелось двигаться только вперед и дальше, что, думаю, я была слишком жестока к нему, слушала его вполуха, когда он говорил, что будет по мне скучать, что он хотел бы приезжать ко мне в гости и что нам надо попробовать быть вместе.

«Может, у тебя аллергия на персики», – предположила моя соседка по комнате во вторую ночь в колледже, когда меня выворачивало наизнанку в мусорное ведро.

«Может быть, – думала я, – а может, я выпила слишком много пива²⁹?» Но оказалось, что приступ тошноты был панической атакой, первой из многих, которые случаются у меня в следующие годы. В тот вечер она случилась, потому что я чувствовала себя ужасно одинокой и стесненной этим одиночеством, а мое тело не знало, как с этим справиться. Это касалось и Джо в какой-то степени, но еще значимей и неопределенней, чем любое отсутствие, было чувство того, что я так долго была чьей-то девушкой и вдруг перестала ею быть.

Я сделала это с собой сама; я была тем, что сломалось.

Но так я чувствовала себя недолго. На самом деле я через это переступила. Два месяца спустя я была как никогда близка к тому, чтобы бросить открытый вызов проклятию, начав вязать крючком свитер для моего нового бойфренда в колледже. Он был высокий, худой студент-второкурсник, с кудрявыми черными волосами и ярко-голубыми глазами, и хотя его звали Майкл, так его никто никогда не называл, только в шутку. Вместо этого он отзывался на Хирши, рифма-перевертыш от его фамилии. Мне нравилось, как мой рот автоматически расплылся в улыбке, когда бы я ни произносила его имя.

Мы познакомились на первой неделе занятий и сразу же влюбились друг в друга, проводя каждую ночь в его крошечной, заваленной одеждой комнате на одного, двумя этажами выше моей. Каждое воскресенье мы заказывали большую квадратную пиццу из забегаловки через улицу и питались ею всю неделю, отщипывая от нее кусочки, иногда дополняя ее сырными крекерами и глазированными пончиками. Мы были так взволнованы свободой, так взволнованы тем, что были взволнованы друг другом. Иногда я вспоминала Джо и свой родной город, и старшие классы, но было гораздо проще смотреть вперед, чем остановиться и разобраться с тем, что я оставила позади.

Свитер был чудовищно тяжелым, из черной акриловой пряжи стоимостью в целый семестр лекций по истории искусств. Мой крючок нырял и вплетался в Караваджо,³⁰ Калло³¹ и Кунса³². Хирши стойко проносил его несколько зим долины реки Гудзон и даже составил мне компанию на фестивале пряжи, где я выгуливала его, словно живой манекен. Когда мы, наконец, решили прекратить наши отношения после двух с половиной лет, сотен ночей, бесконечных пицц, было ощущение, что время пришло.

Я не знала колледжа без него; мы оба были готовы к чему-то иному.

После периода, когда мы вообще не общались друг с другом, мы начали дежурные встречи по воскресеньям. Он заезжал за мной на машине одного из своих соседей по комнате, а потом мы ехали в легендарно-чумовую круглосуточную забегаловку рядом с кампусом, украшенную неоновыми фотографиями греческих руин. Мы делились друг с другом картошкой

²⁸ Собственно, эти носки могли с таким же успехом предназначаться и мне, но вскоре я поняла, что они слишком велики для любой ноги меньшего размера, чем у Джо с его 16-м размером. Кстати, он – я не вру! – снимался в качестве модели носков XXL размера для постера *American Apparel*.

²⁹ PBR – pubst blue ribbon, светлое пиво, не самое ужасное из всех тошнотворных видов пива в Америке.

³⁰ Микеланджело Меризи да Караваджо – итальянский художник, реформатор европейской живописи XVII века, основатель реализма в живописи, один из крупнейших мастеров барокко.

³¹ Фрида Кало де Ривера, или Магдалена Кармен Фрида Кало Кальдерон, – мексиканская художница, наиболее известная автопортретами.

³² Джефф Кунс – американский художник. Известен своим пристрастием к китчу, особенно в скульптуре. Его работы входят в число самых дорогих произведений современных художников.

фри с подливой и молочными коктейлями и информировали друг друга о том, как прошла неделя. Иногда мы беседовали о тех, в кого мы влюблялись, и о тех, кто разбивал наши сердца. А потом он окончил колледж, и к тому моменту мне уже не было жаль, что свитер ушел.

Но что меня тревожило – это почти непрерывный темп моей личной жизни. Это были острые грани, которые я сглаживала в своем ослепляющем желании добраться до следующего места, до следующего человека, если вкратце. Сказать: «Серийная моногамка», – улыбнуться и подмигнуть – это простой способ избежать разговоров о той боли, которую я получала (и раздавала) в постоянно меняющейся системе измерений. Это означает легкость, непринужденность, перепрыгивание с камня на камень, ни разу не споткнувшись.

Это не принимая в расчет тех парней, за которыми я бегала месяцами, пока они не поворачивались к другим девушкам или просто отворачивались от меня; это стирает те утра, вызывающие головную боль, которые я провела, ворочаясь в своей постели, чувствуя не зыбкую надежду, а тяжелое бремя. Я запихивала в пространство своего бойфренда столько людей просто потому, что они были, и лишь гораздо позже осознавала, что они мне не подходят или не хотят подходить. Так много раз я кричала в ярости на себя, что мне всегда мало.

И так я поступала гораздо чаще, чем, возможно, сама осознавая – бессердечная и замкнутая в себе – то, чего больше всего я боюсь в других людях. Мои новые парни появлялись на горизонте раньше, чем исчезали старые, потому что я не могла представить себе промежуток без них, момент тишины, покоя.

А потом был Сэм. Мы познакомились в колледже, он был на курс старше меня. Я видела, как он выступает в одном мюзикле, и он мне сразу понравился: высокие скулы, симпатичная худенькая задница и смех, как у сексуального перфоратора. (Он остается одним-единственным человеком, с которым я могу вместе сидеть в театре и не стыдиться своего собственного задыхающегося тюленьего смеха.) Мы месяцами наблюдали друг за другом на вечеринках и подсмеивались друг над другом после концертов хора, а потом, за две недели до окончания колледжа, один из нас ушел из бара рядом с кампусом, а второй пошел следом.³³ Через десять дней я ушла из его дома и проревела всю дорогу до Бостона.

Я думала, что это конец. Он написал мне письмо на благодарственной открытке из книжного магазина при колледже («Извини за неуместность этой открытки, – так оно начиналось, – но это все, что у них было в продаже»), а потом, как я думала, он уедет, окунувшись во взрослую жизнь, а я останусь здесь и окончу последний курс колледжа.

В то лето я снимала комнату на цокольном этаже в Верхнем Ист-Сайде.

Сэм остался в студгородке для работы над новой театральной программой. Мы жили на разных концах ветки метро *Metro North Hudson*, и в один из выходных, вскоре после того, как я приехала в Нью-Йорк, он сел на метро и доехал до моей съемной комнатки. Через несколько недель я снова вернулась в его односпальную кровать в общежитии. Мы никогда не обсуждали это, но это стало нашим ритмом. (Недавно я вернулась в колледж и едва ли смогла втиснуться в одну из таких кроватей; а ведь больше я не стала, чем я была тогда, но, видимо, я занимаю больше места. Наверное, здесь какая-то научная физика «корабликов в бутылке», раз мы помещались там вдвоем...)

Сэм был для меня Нью-Йорком так же, как и моя съемная квартирка в подвале, как первая временная работа с Мариной. Так же, как Джо был для меня родным городом, а Хирши – колледжем. Сэм носился по городу – бесконечная энергия, длинные конечности... Он водил меня на странные офф-офф-офф³⁴ бродвейские постановки и ужины, которые мы не могли себе позволить при полном общем бюджете в ноль денег. Что-то во мне загоралось, когда бы я

³³ Наверное, любой бы посмеялся над нами после концертов хора.

³⁴ Офф-Офф-Бродвей (вне вне Бродвея, англ. Off-Off-Broadway) – профессиональный театральный термин, которым обозначаются площадки в Нью-Йорке с вместимостью менее 100 посетителей. Эти театры меньше Бродвейских и офф-Бродвейских. Здесь в гипертрофированной форме.

ни получала от него сообщения, что он едет ко мне, или приглашения на шоу, или предложения переночевать у него. Он вносил смутное воодушевление в то время, когда нужно делать то, что должно, по крайней мере, частично из-за того факта, что я никогда не была полностью уверена, что он вернется.

А потом, опять же, это опьяняющее чувство быть замеченной. То, как он изучал меня и задавал вопросы, придавало мне ощущение, что эта жизнь, которую я начала строить, имела значение, как и тот выбор, что я делаю каждый день: как я готовлю завтрак, как я сижу, когда читаю, что я думаю о других людях и пьесах, и сухом мартини – все это имело смысл и вес, а не было просто результатом серии случайных совпадений, как я иногда начинала подозревать.

Я почти ничего не писала и не вязала в то лето, говоря себе, что слишком занята работой и городом, и им; на самом деле, думаю, мои чувства были слишком обострены, чтобы делать что-то особенное, я чувствовала себя слишком хрупкой, слишком обеспокоенной; мне казалось, что если я отвернусь или загляну в себя хоть на минутку, все это исчезнет.

Осенью мы поменялись местами – Сэм переехал в Бруклин, а я вернулась в Пукипси, чтобы доучиться последний год в колледже, – и растворились. На самом деле вновь собрать себя воедино в одном месте принесло мне облегчение. Но я так и не страхнула с себя то единственное приглушенное ощущение его. Мы поддерживали друг с другом полусвязь, встречались с другими. Свой последний год в колледже я провела без бойфренда, впервые. Я впервые участвовала в пробах в спектакле со времен старших классов («*Монологи вагины*³⁵», разумеется), написала диплом и последние месяцы упивалась духом этого места, которое так меня любило. Я перезнакомилась почти с половиной колледжа. Я окончила колледж. Я переехала в Нью-Йорк-Сити, как и все. Я познакомилась с Одой и начала работать. Я снова начала творить вещи.

Сэм прислал мне сообщение на мой двадцать третий день рождения, через несколько дней после смерти Джейми. Он знал – наш колледж был маленьким. Мы немного початились и выяснили, что живем не очень далеко друг от друга, поэтому решили как-нибудь днем встретиться и перекусить.

«Ох, – подумала я, приближаясь к нему, – вот и он, высокий, в красно-белой клетчатой рубашке, очки еще толще и круглее, чем в колледже, темные волнистые волосы, блестящие, как всегда.

Как актер, играющий свою собственную размытую версию себя, которая жила в моей памяти. Точно. Вот чего мне не хватало...»

А потом мы вместе сходили на шоу, потом в кино на дневной сеанс, захватив с собой контрабандную бутылочку *Nalgene*³⁶ с пивом *Manhattans* (после этого вкус воды уже никогда не станет обычным, неважно, сколько бы вы ни промывали эту бутылку). Я не позволяла ему поцеловать себя неделями, потому что знала, что это сделает со мной. Я опять окажусь в том самом месте, где буду ждать его сообщений, где буду ждать, когда же он захочет меня так, как я его. А потом, в один из дней в середине лета, мы стояли возле дома, где была в разгаре деньрожденная вечеринка кого-то из наших друзей, и меня стошнило прямо на тротуар.

Это был один из самых жарких дней в истории и без того раскаленного июля. Я рано ушла с работы и отменила многообещающее второе свидание с кем-то еще, частично потому, что меня подташнивало, но в основном потому, что не могла думать ни о ком другом, кроме этого парня, который так долго занимал все мои мысли. Когда Сэм пригласил меня на вечеринку, я страхнула всю дурноту, забыла напрочь про жару.

³⁵ Пьеса «Монологи вагины» основана на интервью 200 женщин в разных странах мира, подвергавшихся разным формам насилия. Автор – Ив Энслер, американская писательница и драматург.

³⁶ Марка пластмассовых изделий, разработанных первоначально для лабораторного использования. Сейчас выпускает экологически безопасные пластиковые бутылки.

С тех пор, как он вернулся в мою жизнь, я хотела, чтобы он видел меня как цельную личность, которая не нуждается ни в нем, ни в ком-либо еще, чтобы собраться воедино. Но я ничего не ела с обеда, а вечер был ненамного прохладнее дня, поэтому пока мы стояли и разговаривали на улице, три бокала пива, которые я выпила на вечеринке, решили из меня выйти.

Он выронил сигарету, когда меня сложило пополам. Он поглаживал мне спину и волосы, а все, что я могла, это безудержно лить слезы и бормотать: «Не хочу, чтобы ты видел меня такой. Не хочу, чтобы ты видел меня такой слабой».

Он выглядел смущенным. «Почему нет?»

Не помню, что я ответила. Что-то бессвязное и неожиданное, что-то про то, как он важен для меня, и я просто хотела, чтобы он видел только лучшую часть меня. И даже тогда, еще до наших ссор за самолюбие и секс, до его разочарования в попытках объяснить мне, чего хочет он, и меня – не способную дать ему то, чего он хочет, до того года, который мы провели, свернувшись клубочком рядом с потными телами друг друга, и до тех шести месяцев, когда мы спали спина к спине, я была напугана, что ветер подует не в ту сторону, и он опять уйдет. Я никогда не переставала бояться. Мой страх проявлялся как ревность, как паранойя, как злость и нытье, и все прочее, кроме того, чем он являлся на самом деле.

И я ничего не знаю о химии мозга, но я точно знаю, что это не выпивка, которая портит именно этот момент сейчас, а не все те годы между. Я никогда так не открывалась перед другим человеком, помятое, оплеванное ничтожество, просящее-умоляющее-требующее, чтобы его любили в ответ. Что-то во мне (может быть, все во мне) захлопнулось, непривычное к такой незапланированной потере контроля.

Что бы я ни сказала тогда, когда мы проснулись на следующее утро, он был моим бойфрендом. Мы были собой.

На протяжении наших отношений я потратила уйму энергии, изготавливая и собирая тотемы. Я сделала для Сэма вышивку, которая гласила «БЛЕВАТЬ», и чувствовала прилив собственности каждый раз, когда я видела эту вышивку в его спальне; точно так я себя чувствовала, когда он выходил из-за угла в вязаной шапочке, которую я ему подарила.

Я собирала и хранила все наши поцелуи и «люблю-тебя», перечитывала SMSки и сообщения в электронной почте, пока я почти не выучила их наизусть. На немногочисленных фотографиях, где мы вместе, я внимательно изучала наши лица в поисках доказательств того, что мы настоящие.

Любовь может дать цель и способ ее достижения. Она может дать контекст и, следовательно, лучшее понимание себя: вот кто я есть, потому что вот кто он есть. Посмотри, что мы сделали вместе. Посмотри, как далеко мы зашли, какие планы мы построили, каковы ключи, которыми мы обменялись. Надежда, которую я могла удержать. Я никак не могла выкинуть из головы эту странноватую сказочную мысль о том, что если бы только Сэм мог подлатать несколько дыр, он смог бы полюбить меня целиком и навечно, как я и хотела, что, в свою очередь, исправило бы мои прорехи.

Сейчас те полтора года вместе для меня как в тумане, совсем иначе, чем тот первый ужасный вечер. Больше похоже на воспоминание о стране, где я была еще ребенком, или на пелену смутных ощущений с вкраплениями отдельных отчетливых моментов: первый раз, когда мы сказали друг другу «я люблю тебя» на праздничном корпоративе на моей работе; танцы в гостиной у него дома, когда он критиковал песни группы *Fleetwood Mac*,³⁷ звучавшие из проигрывателя его соседа по комнате; ссора в доме друга моей семьи, где мы заботились об очень старом коте и относительно молодой собаке... Мы постоянно играли в семью с домашними животными других людей.

³⁷ «Флитвуд Мэк» – влиятельная и коммерчески успешная британо-американская рок-группа.

Я не помню ни начало наших ссор, ни их причины – несколько неосторожных слов, планы, поменявшиеся в последнюю минуту, – только то, чем все это закончилось. Я была настолько убеждена, что малейший его жест означает желание уйти от меня, что он не любит меня так, как я хочу, так, как я считала, что мне нужно; так, чтобы я, наконец, смогла отдохнуть.

Конечно же, я никогда не говорила об этом, ни вслух, ни самой себе; конечно же, то, чего хотела я, было невозможно, и на самом деле это вовсе не было то, чего я хотела. Я просто была напугана, потому что я не знала, что произойдет, если мне вдруг придется покинуть это уютное крошечное местечко, которое я помогала выстраивать вместе с ним. Я не знала, куда еще идти.

Но как бы я ни цеплялась, – я уверена, отчасти из-за этого, – мы двигались с разной скоростью и в разных направлениях. Все те же повторяющиеся ссоры и разочарования подточили камень, и затем в один вечер бесформенная боль вдруг вылилась в одно удивительно твердое решение. Эту часть я хорошо помню.

Был воскресный вечер. Я вернулась в Бруклин после поездки к семье на День благодарения. Мы поссорились, в который раз, через SMSки, строчки которых были насколько знакомы, словно мы отрепетировали их заранее. Сэм пришел ко мне домой. Мы ели спагетти карбонара на крошечной кухне и решили, что пора попрощаться, а потом он ушел.

Весь следующий год после Сэма я не знала, как быть. Моя грусть по поводу его потери вновь граничила с чувством облегчения – больше не будет ссор, не будет надежды, переходящей в страх. Я могла просто жить здесь и сейчас, в этом спокойном месте, где мне не нужно было больше тянуть лямку, не нужно гадать о том, чего же хочет кто-то, а не я. Не нужно пытаться выяснять, чего кто-то, кто *на самом деле я*, действительно хочет.

Первый месяц в одиночестве был уютен; на улице было так холодно, что было абсолютно нечем заняться, оставалось только закупориться в своей квартирке и время от времени просить Оду переночевать у меня.

Однако вскоре мысли стали двигаться по проторенной дорожке. У меня была вереница небольших, но резких разочарований: люди, которые казались многообещающими, потом внезапно (или, что еще хуже, поспешно) обрывали со мной отношения. Я знакомилась с кем-то, мы начинали встречаться, а потом вдруг я перепрыгивала в то личное пространство, в которое так отчаянно хотела вернуться. Настоящая реальность почти не имела значения: кем были те люди, что они говорили о своих желаниях или не говорили, либо я прекращала размышлять о том, хотела ли я их вообще.

Каждый новый роман начинался с нескольких недель осторожного счастья, а потом вдруг проваливался в панику: «Почему он так долго не отвечает на SMS? Почему утром он свернулся калачиком, а не потянулся ко мне?» Иногда я озвучивала этот водоворот мыслей, но чаще – нет. Вместо этого, так как я не могла контролировать чужие чувства или поведение, я направляла эту неистовую энергию на изучение себя. Я выискивала в себе любые черты, где я не оправдывала ожиданий: нос и зубы слишком большие и кривые; сама я слишком пронзительна и мелодраматична, особенно когда пьяна; применение дезодоранта слишком редко; чувства слишком очевидны; сердце слишком уступчиво; всего вместе – чересчур слишком много.

После всех этих спиралей, всех этих перепрыгиваний, всей этой работы только ради работы окончательный разрыв всегда ощущался как отдых. Неуклюжее возвращение на землю после недель подвешенного состояния. Будь то SMS или разговор в слезах, будь то «прости» или «я не могу», или, что хуже всего, «может, когда-нибудь». Окончательный финал издает ужасный скрипящий звук, но, по крайней мере, у него есть границы.

Я плакала, слонялась по барам и пила, наверное, слишком много, но, по крайней мере, я *знала*. По крайней мере, я снова целиком и полностью принадлежала самой себе, мое сердце снова билось в моей груди, где ему безопасней всего и где, наверное, оно пробудет достаточно долго, чтобы я смогла его вновь заштопать.

Большая часть меня радовалась, что я так никогда и не купила пряжу для свитера Сэма. Та самая часть, которая, должно быть, даже знала, что мы уже не будем вместе на Рождество, – любая вязальщица, обладающая чувством собственного достоинства, независимо от того, насколько быстро она вяжет, подождет до Дня благодарения, чтобы начать вязать такой подарок. Не знаю, куда бы я девала двенадцать клубков серой шерсти. Разделила бы на части, чтобы сделать шапочки и рукавички для своей семьи? Замахнулась бы на что-то безумное и сногшибательное, например, на чехол для кресла или гамак? Или просто оставила бы ее, пусть полежит на книжной полке, занимая там больше места, чем окружающие цветы, напоминая о том, что у меня было, что я потеряла, что я снова найду? Эта та часть меня, которая действительно желает, чтобы пряжа была у меня на руках в последние наши недели вместе, чтобы я все же начала вязать. Может, он бы впитал в себя хоть сколько-нибудь той магии надежды и обреченности; и это стало бы последней толикой доказательства того, что я была там...

После Сэма я уже не предпринимала попыток бросать вызов проклятию. Не потому, что верю в него, и не потому, что не было никого достойного, – когда-нибудь я надеюсь связать для кого-нибудь милый свитер, такой, как на фотографиях родителей в молодости. Я хочу построить именно такую жизнь и оставить именно такие воспоминания. Я все еще хочу быть любимой целиком и навсегда и любить самой верно и во всей полноте.

Я просто еще не знаю, какого размера должен быть этот свитер.

Но есть одно тело, которое я знаю наизусть. После первого года, проведенного сама по себе, сразу после похорон бабушки, я купила целую охапку мягкой серой пряжи. Это была не такая пряжа, которую я бы решила использовать для свитера бойфренда, не тяжелая рыбацкая шерсть, а нежная, окруженная пушистым ореолом альпака с вкраплениями шелка. Я использовала ее, чтобы связать свитер поменьше, потоньше. Это кардиган. По бокам идут двойные косички, а карманы окантованы горчично-желтой фланелью, которую я хранила, сама не знаю зачем. Не было схемы; вместо этого я примеряла его, продолжала вязать и корректировала по мере необходимости. Я дала себе разрешение не исправлять ошибки, если они не оправдывали хлопоты. Мне они даже начали нравиться, эти неровные маленькие отметинки на полотне, напоминание, что каждая частичка этой небезупречной вещи – моя.

По мере вязания мне пришло в голову, что, может, проклятие свитера для бойфренда *на самом деле* существует, но проклятие – не совсем подходящее название. Может, это, скорее, проверка на вшивость, способ определить, будут ли длиться отношения с кем-то, какими бы они ни были, или нет. Достаточно ли они прочные, чтобы выдержать вес всех этих петелек, всю ту надежду, всю работу, которую вы оба вкладываете в ваши отношения, или все рухнет еще до последнего провязанного ряда?

Я украсила свой свитер – мой Свитер Подружки, как стала его называть мысленно, – значками, которые я собирала (один – в форме пиццы, еще один – как конвертик, третий просто гласил «ЗАТКНИСЬ»), и носила его неделями, пока он не начинал вонять. Я носила его на первые свидания и на последние, на митинги и вечеринки, когда нужна была поддержка или просто дополнительный слой одежды в моем замерзающем ледяном манхэттенском офисе.

Он напоминает мне, что свитера неправильного размера вовсе не плохи или неправильны, или означают, что мы плохи и неправильны; они просто не подходят нам. Другие подойдут. И в то же время вы всегда можете сделать его себе сами.

Распускание, или Как все начать сначала

Самое трудное в рукоделии – вовсе не вставить нитку в невероятно крошечное ушко иглы. Это и не сложная техника кружевного вязания, и не работа на ткацком станке, который выше, чем вы когда-либо будете. Это и не боль в запястье, и не сгорбленная спина, и не прищуривание в попытках разглядеть свою работу, хотя вы должны были пойти спать еще два часа назад. Не запах краски, не обрезки бумаги и даже не километровые очереди на кассу, которые существуют в каждом магазине *Michaels*³⁸ в Северной Америке. Нет, самое трудное в рукоделии – это знать, когда нужно все начать сначала.

Вот как это происходит в вязании. Вы находите модель, которая приковывает все ваше внимание, или особенно заманчивый клубок пряжи. (Некоторые предпочитают, чтобы материалы играли в этом деле ведущую роль, а прочие начинают с идеи. Я всегда была довольно непоследовательна в подходе к делу, вот поэтому у меня лежит с десятков несвязанных схем и тысячи метров несвязанной пряжи без каких-либо конкретных планов поженить этих двоих вместе.)

И вот вы садитесь перед телевизором или с аудиокнигой, чтобы побыстрее разделаться с самой неприятной и скучной частью в начале любого вязанья: набором петель. Набор первого ряда петель на спицы требует определенных математических вычислений и концентрации, того, чего мы, собственно, и пытаемся избежать с помощью вязания, но пока вы не в состоянии завербовать себе персонального стажера по набору петель, вам придется этот процесс осуществлять самостоятельно.

Первый ряд после наборного – всегда самый сложный. Может, вы начали вязать слишком плотно, и теперь приходится силой пропихивать спицы через упрямые петли, или, может, слишком рыхло, и теперь приходится подтягивать нить пряжи в каждой петле, чтобы не получались дырки. Начало – это настоящая пытка.

Но потом, через десять минут или через двадцать, или даже через неделю вы смотрите и понимаете, что то, что вы держите в руках, – это вещь. Нечто, еще не похожее на шапку или шарф, но уже не просто невнятное начало. Эту вещь можно покомкать и погладить, растянуть или, лучше всего, можно начать представлять, какой она будет, когда, наконец, действительно претворится в жизнь. Этого мысленного образа достаточно, чтобы гнать вас вперед уже после того, как в шоу, которое вы устроились смотреть, давно прошли все титры.

Вот поэтому, когда вы находите ошибку, – это всегда крошечный апокалипсис. Вы набираете 84 петли, хотя нужно было только 48; вы путаете правую сторону и левую, хотя кто вообще может додуматься перепутать лево с право, скажем, после шести лет? Вы отчаянно пытаетесь высчитать в уме, как все исправить, а потом, когда это оказывается слишком сложно, вы перестраиваете свое видение целиком и полностью – разве у бойфренда вашей сестры голова такая большая?

Они встречаются только три недели, но всем ведь нужна зимняя шапка, так? *Так???*

Потом приходит злость. Противная инструкция, думаешь ты, могли бы использовать шрифт покрупнее, сразу нельзя было ясно сказать, чего *делать не надо*?

«Эй, [твое имя]! – должно было быть написано сверху страницы. – Мы знаем, что где-то к десятому ряду ваше внимание уже рассеялось, поэтому мы просто напоминаем, что к этому моменту вы уже должны были начать вязать резинку, тогда все это не будет выглядеть кривобоко. Ты супер, и мы тебя любим!!!»

Потому что примерно тогда гнев преобразуется в созидательную энергию, а ваше сердце исполняется укоризны. И вы думаете: «О, ты, неуклюжая торопыга, ты даже не удосужилась

³⁸ Торговая сеть по продаже товаров для творчества и рукоделия.

правильно посчитать петли! Ты как-то не заметила, что жизненно важная петля была пропущена пять сантиметров назад. С чего ты вообще решила, что сможешь это сделать? Почему бы тебе не заниматься тем, что ты хорошо умеешь, например, грызть ногти или стоять перед открытым холодильником, пока лампочка не перегорит? С чего ты вообще решила попробовать связать что-то новое?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.